

К. А. Болдовский

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА 1947 Г. И ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПАРТАППАРАТ

Денежная реформа, проведенная в СССР в декабре 1947 г., получила подробное освещение в работах исследователей. Были проанализированы подготовка, порядок осуществления реформы, ее результаты, злоупотребления, выявленные при ее проведении [1; 2, с. 80–86; 3–5], а также реакция населения [6].

Реформа затронула материальные интересы практически всего населения страны. Конфискационный характер обмена денег был очевиден для большинства граждан, несмотря на заявления руководства страны о том, что «денежная реформа проводится не за счет народа» [7, л. 18]. В первую очередь страдали накопления, даже небольшие, которые население хранило вне официальных государственных учреждений — сберегательных касс. Наличные деньги обменивались в соотношении 10:1. Для сберкасс была установлена более сложная схема. Вклады до 3 тыс. руб. обменивались в отношении 1:1, от 3 до 10 тыс. — в следующем порядке: 3 тыс. руб. — один к одному, оставшаяся сумма — 3 старых руб. на 2 новых. При наличии на счете сумм, превышающих 10 тыс руб., — первые 10 тыс. руб. переоценивались по приведенной выше схеме, а остальные обменивались в соотношении 1 руб. нового образца за 2 руб. старого образца. Облигации, кроме займа 1947 г., обменивались в соотношении 3:1, а 3-процентные выигрышные облигации 1938 г. — 5 к 1. Одновременно с денежной реформой отменялось карточное распределение продовольственных и промышленных товаров.

Большинством населения реформа воспринималась как очередная трудность, которую необходимо пережить с минимальными по возможности потерями. В этом отношении не были исключением и номенклатурные работники.

Отдельные руководители партийного, советского и административного аппаратов оказались неустойчивы к искушению использовать свое положение для сохранения собственного финансового благополучия. В связи с этим представляет интерес вопрос о партийно-государственном контроле над кадрами номенклатуры различного уровня, о мерах, принимаемых при выявлении злоупотреблений, совершенных этими людьми. Некоторые исследователи высказывают предположения о «неприкасаемости» руководящих работников партийного и советского аппаратов. Факты, однако, говорят о другом. Руководящие работники высокого номенклатурного уровня находились под неослабным контролем. Как справедливо заметил в своей статье Дж. Хайнцен, «партийные «сторожевые псы», обеспокоенные ослаблением дисциплины и идеологической чистоты среди членов партии, были <...> озабочены преступлениями среди официальных лиц режима» [8, с. 65]. Речь, скорее, должна идти о том, что механизм контроля и процедура наказаний для кадров партийной и советской номенклатуры были иными, нежели для рядовых граждан. Другим немаловажным аспектом было использование нарушений, совершенных отдельными работниками партаппарата, для

Болдовский Кирилл Анатольевич — соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: bold63@mail.ru

© К. А. Болдовский, 2013

компрометации конкурентов в ходе непрекращающейся борьбы за влияние в высших эшелонах власти.

В этой статье мы попытаемся проанализировать события, связанные с нарушениями в ходе денежной реформы среди руководящих работников партийного, советского и государственного аппаратов Ленинграда. Этот вопрос представляет особый интерес из-за пристального внимания исследователей к ленинградскому партаппарату, вызванному различными версиями так называемого «Ленинградского дела». В некоторых публикациях авторы высказывают мнение, согласно которому нарушения, допущенные в Ленинграде при проведении реформы, стали дополнительным поводом для компрометации «ленинградцев» в глазах высшего руководства [9; 10]. В «околонаучных» статьях звучат еще более резкие формулировки [11, с. 55].

Документы ЦК и Ленинградского горкома ВКП (б), хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) и Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГА-ИПД СПб), дают возможность восстановить действительную картину происшедшего.

Рассмотрим, как развивались события.

13 декабря 1947 г. в городское управление сберегательных касс поступила телеграмма Министерства финансов СССР, разъясняющая порядок работы сберкасс при проведении реформы. 14 декабря все крупные сберкассы города и все сберкассы в пригородах были закрыты, а в остальных сберкассах (48 из 135 сберкасс) операции следовало прекратить к 12 часам дня [12, л. 1, 9]. Таким образом, к моменту вскрытия пакетов с инструкциями о проведении обмена все операции по вкладам населения должны были быть прекращены и не проводиться в течение 3 дней (15, 16 и 17 декабря). В эти дни разрешалось принимать только партийные и комсомольские взносы и взносы в кассы взаимопомощи фабзавместкомов. С 18 декабря операции по вкладам должны были снова проводиться в обычном режиме.

Для выявления нарушений Контрольно-ревизионное управление Министерства финансов по г. Ленинграду совместно с Контрольно-ревизионным аппаратом Управления гострудсберкасс и госкредита провели с 18 по 21 декабря 1948 г. проверку операций по вкладам за 14 декабря по всем сберкассам города.

Однако еще 15 декабря в КПК (Комитет партийного контроля) при ЦК ВКП (б) из Ленинграда было отправлено письмо, подписанное Н. И. Трофимовым, «членом ВКП (б) с 1931 года». В письме сообщалось о нарушениях, которые якобы допустили работники сберкасс Свердловского района. Приведем текст письма с незначительными сокращениями (орфография, пунктуация и стиль полностью сохранены):

«Чтобы не смазали все дело, после денежной реформы и точного выявления всех лиц в антигосударственных тенденциях считаю срочно сообщить для срочного расследования нижеследующее: 14 декабря с.г., как только было объявлено о денежной реформе ... то сразу же стали делать махинации заведующие райсберкассами г. Ленинграда. Например, завсберкассами Свердловского р-на г. Ленинграда, сидел всю ночь с 14 на 15/ХП, оформлял счета, вкладывал старые деньги на сберкнижки декабрем м<еся>цем для районного начальства. Все это оформлялось задними числами, для того, чтобы спасти деньги старые районного начальства и знакомых своих, а возможно и спекулянтов за соотв<етствующую> мзду. В сберкассах — же гор. Ленинграда сотрудники вкладывали свои деньги до 3000 и менее на одного работника сберкассы с тем, чтобы потом получить бы полностью. Утром, 15 декабря, служащие сберкасс бегали за кассирами сберкасс с 7 часов утра, чтобы спасти свои старые деньги. ... считаю, что деньги, вложенные сотрудниками сберкасс в декабре и районного разного начальства в декабре и задним числом — это государственное преступление, которое надо срочно

расследовать по гор. Ленинграду, ибо совершили поступок — залезли в карман государства. Жуликам из райсберкасс Свердловск. р-на гор. Ленинграда, работникам других сберкасс Свердловского р-на и других р-нов гор. Ленинграда это не к лицу. Жулики должны понести суровое наказание, только надо срочно расследовать. Тщательное расследование выявит много проходимцев, которым не место в городе Ленинграде. Это знают и другие лица-граждане» [13, л. 180–180 об.].

Как видно из текста, письмо содержало весьма расплывчатые обвинения. Автор не приводит ни конкретных фактов, ни конкретных фамилий «районного начальства». Кроме того, в письме допущена одна существенная неточность: «зав. сберкассами Свердловского района», который «сидел всю ночь» и «оформлял счета ... для районного начальства» был... женщиной. Все это дает основания полагать, что автор не являлся непосредственным свидетелем описываемых событий, а сообщает о происшедшем со слов других лиц. Естественно, все это было очевидно для опытных работников ЦК, постоянно имевших дело с различного рода «сигналами». Тем более удивительна скорость, с которой аппарат ЦК отреагировал на письмо.

Уже 19 декабря из КПК письмо было направлено секретарю ЦК и начальнику Управления кадров А. А. Кузнецову с сопроводительной запиской, подписанной М. Ф. Шкирятовым (заместителем председателя КПК). А. А. Кузнецов принял решение практически немедленно — на письме стоит его резолюция с датой: «Послать инспектора для проверки. 20 декабря 1947 г.» [13, л. 179]. Наводит на размышления такая скорость реагирования на достаточно расплывчатую информацию, тем более, что в то время в адрес руководства страны шло множество более квалифицированных сообщений о злоупотреблениях, совершенных в ходе реформы¹. С точки зрения «аппаратной логики», для А. А. Кузнецова было бы разумнее провести комплексную проверку в нескольких регионах страны, а затем представить обобщенные данные руководству или, в крайнем случае, поручить проверку сигнала местным партийным органам, а не посылать инспектора из центра для проверки недостоверного сигнала. Поспешное начало проверки по линии Управления кадров ЦК означало, что по этому вопросу были получены прямые и недвусмысленные указания более высокого начальства. У А. А. Кузнецова такой начальник был только один — И. В. Сталин². Если допустить справедливость этой гипотезы, то нужно признать, что И. В. Сталин в то время специально интересовался любой информацией о ленинградских руководителях, поступившей в ЦК. Конечно, можно допустить, что кто-либо из недоброжелателей «ленинградцев» поспешил довести до сведения высшего руководителя подходящий для компрометации сигнал, но сложно представить себе опытного аппаратчика, которой пошел бы докладывать, имея на руках только такой слабый аргумент, как приведенное выше «письмо Трофимова». Более конкретной информации в тот период (17–19 декабря 1947 г.) не могло быть ни у одной из служб, так как первая проверка деятельности сберкасс в Ленинграде началась только 18 декабря [12, л. 5], она проводилась до 21 декабря 1947 г. контрольно-ревизионным управлением Министерства финансов по г. Ленинграду совместно контрольно-ревизионным аппаратом управления гострудсберкасс и госкредита.

Скорее всего, письмо «Трофимова» использовалось для «легализации» информации, полученной органами МВД оперативным путем и доложенной высшему

¹ См., например, подборку информационных сообщений МВД СССР: [1, с. 375–396].

² Возможно, А. А. Кузнецов получил указания И. В. Сталина вечером 18 декабря 1947 г., когда находился у него в кабинете. Конечно, И. В. Сталин мог передать указания и по телефону.

руководству страны. Подобные приемы достаточно часто использовались в аппаратной борьбе того периода. В январе 1948 г. анонимное письмо «члена счетной комиссии» послужило сигналом для расследования нарушений при голосовании на ленинградской партконференции. Н. С. Хрущев упоминает в своих воспоминаниях, что в 1949 г. И. В. Сталин предлагал ему, занимавшему в то время пост первого секретаря московской партийной организации, начать проверку деятельности бывших руководителей Москвы. В качестве повода предлагалось использовать факты, приведенные в письме, подписанном некими «инженерами». Проверка показала, что таких людей в действительности не существовало.

Следует отметить, что в отчете инспектора ЦК о проверке в Ленинграде нигде не упоминается о встрече с автором письма. «Коммуниста Трофимова» по указанным данным найти не удалось. Кроме того, наводит на размышления и подчеркнута острая критика со стороны ленинградского партийного руководства в адрес работников Управления МВД по Ленинградской области в части злоупотреблений, совершенных самими руководителями милиции в ходе денежной реформы, на чем мы остановимся ниже. Подготовленный работниками МВД формальный «сигнал» мог быть использован И. В. Сталиным для проверки А. А. Кузнецова: не станет ли тот «покрывать» своих бывших сослуживцев. В любом случае ясно, что И. В. Сталин в то время проявлял повышенный интерес к компрометирующей информации о ленинградских руководителях.

Вернемся к событиям декабря 1947 г.

После приезда в Ленинград инспектора Управления кадров ЦК Стрельникова, 24 и 25 декабря во всех сберкассах города была проведена повторная проверка списков вкладчиков, внесших деньги 13 и 14 декабря. Эта проверка носила уже целевой характер. В справке финорганов подчеркивалось, что «целью ... было выявление работников сберкасс, финорганов и **руководящих районных работников** (выделено нами. — К. Б.), вложивших деньги во вклады в сберкассы после прекращения операций или после ознакомления с условиями переоценки вкладов» [12, л. 5]. В некоторых сберкассах специальными бригадами с привлечением следственных органов были проведены более глубокие документальные проверки.

31 декабря 1947 г. инспектор Стрельников представил А. А. Кузнецову справку «О результатах проверки заявления члена ВКП (б) т. Трофимова Н. И. о злоупотреблениях руководящих работников гор. Ленинграда при проведении денежной реформы». В ней сообщалось о нарушениях, выявленных в Кронштадском, Петроградском, Пушкинском и Свердловском районах города, а также в Лужском районе Ленинградской области и предлагалось «обязать первого секретаря Ленинградского областного и городского комитетов ВКП (б) т. Попкова П. С. обсудить этот вопрос на бюро, принять соответствующие меры и о результатах доложить ЦК ВКП (б) к 10 января 1948 года» [13, л. 178]. А. В. Пыжиков, ссылаясь на этот документ, утверждает, что «ленинградский горком отрицал эти факты (нарушений. — К. Б.), заявляя, что ему неизвестно о случаях злоупотреблений со стороны руководящих работников» [9, с. 98]. На самом деле в справке говорится лишь о том, что «в **начале проверки, 24 декабря 1947 года** (выделено нами. — К. Б.), т. Кедров Г. Т.³ и зав. Ленинградским горфинотделом т. Гужков И. В. заявили, что им неизвестны какие-либо факты о злоупотреблениях руководящих работников при проведении денежной реформы в г. Ленинграде» [13, л. 178].

³ Г. Т. Кедров в то время занимал должность секретаря Ленинградского ГК ВКП (б) по кадрам.

Такое утверждение ленинградцев представляется вполне естественным, так как документально подтвержденные данные были получены только в ходе самой проверки. Это может свидетельствовать и о том, что органы МВД не сообщали местному руководству все имевшиеся у них сведения и, опасаясь утечки информации, докладывали об отдельных эпизодах напрямую в Москву. Можно добавить, что при последующем разбирательстве дела в секретариате ЦК ленинградскому руководству не предъявлялось никаких обвинений в сокрытии информации о злоупотреблениях.

Итоги проверки были закреплены постановлением Секретариата ЦК от 8 января 1948 г., в котором говорилось:

«Проверкой заявления члена ВКП (б) т. Трофимова установлено, что руководящие партийные и советские работники ряда районов г. Ленинграда и области, используя служебное положение, нарушив закон, внесли вклады в сберкассы деньгами старого образца после прекращения операций сберкасс в связи с денежной реформой.

Секретариат ЦК ВКП (б) постановляет:

Предложить секретарю Ленинградского обкома и горкома ВКП (б) т. Попкову проверить правильность принятия вкладов в сберкассах всех районов г. Ленинграда и области в связи с проведением денежной реформы и обсудить на бюро обкома ВКП (б) вопрос о партийных и советских работниках, допустивших злоупотребления в этом деле.

О результатах доложить ЦК ВКП (б) к 20 января с.г.» [14, л. 108].

Следует заметить, что в описываемое время Секретариат и Оргбюро ЦК наряду с Политбюро были высшими органами в партийной системе власти⁴.

Окончательные итоги проверок вместе с докладом о принятых мерах были представлены в письме П. С. Попкова А. А. Кузнецову от 28 января 1948 г. [13, л. 181–186].

Список нарушителей из числа работников номенклатуры горкома и обкома ВКП (б) с информацией о принятых в отношении их мерах выглядит следующим образом (в скобках указана сумма незаконно оформленного вклада):

1-й секретарь Приморского РК ВКП (б) (6 800 руб.) — снят с должности, объявлен строгий выговор.

Председатель Приморского райисполкома (9 000 руб.) — вопрос о наказании не обсуждался из-за болезни нарушителя, впоследствии был снят с должности.

Председатель Октябрьского райисполкома (1330 руб.) — объявлен партийный выговор;

2-й секретарь Свердловского РК ВКП (б) (14 000 руб.) — снят с должности, объявлен строгий выговор.

Председатель Свердловского райисполкома (5150 руб.) — снят с должности, объявлен строгий выговор.

Заместитель председателя Свердловского райисполкома (900 руб.) — снят с должности, объявлен строгий выговор.

Секретарь Свердловского райисполкома (4 200 руб.) — снят с должности, объявлен строгий выговор.

2-й секретарь Кронштадского РК ВКП (б) (2000 руб.) — снят с должности, объявлен строгий выговор.

Зав. особым сектором Октябрьского РК ВКП (б) (3000 руб.) — снята с должности, объявлен строгий выговор.

И. о. председателя Октябрьского райисполкома (830 руб.) — объявлен выговор.

Секретарь по кадрам Пушкинского РК ВКП (б) (750 руб.) — снят с должности.

Зав. оргинструкторским отделом Пушкинского РК ВКП (б) (600 руб.) — объявлен выговор.

⁴ О функциях и составе Секретариата и Оргбюро ЦК ВКП (б) см., например: [15, с. 99–101].

Начальник райотдела УМВД Петроградского района (1690 руб.) — снят с должности, объявлен строгий выговор.

Начальник райотдела УМВД Октябрьского района (390 руб.) — объявлен выговор.

В Ленинградской области особенно «отличились» руководители Лужского района, где в нарушениях оказалась замешана большая часть районного начальства:

1-й секретарь РК ВКП (б) (30 000 руб.) — снят с должности, исключен из партии.

Председатель райисполкома (2950 руб.) — снят с должности, объявлен строгий выговор.

Второй секретарь и секретарь по кадрам РК ВКП (б) (оба внесли по 3000 руб.) — объявлены строгие выговоры.

Начальник райотдела УМВД (7891 руб.) — снят с должности, объявлен строгий выговор.

Начальник райотдела УМГБ (2500 руб.) — снят с должности, объявлен строгий выговор.

Представляет интерес вопрос о происхождении денежных средств у нарушителей. Следует отметить, что практически во всех случаях происхождение денег могло быть объяснено вполне понятными причинами. В описываемый период месячная зарплата первого секретаря райкома партии без учета премий и различных надбавок составляла около 2 тыс. руб., инструктора райкома — около 1100 руб. [16, с. 160]. О материальном положении высокопоставленных партийных работников Ленинграда рассказывается, в частности, в статье В. Ф. и Г. Ф. Михеевых [17, с. 228–230].

В объяснениях, которые представляли в горком ВКП (б) провинившиеся руководители, наличие денежных сумм объясняется весьма подробно:

Зав. особым сектором Октябрьского РК ВКП (б) — внесла 3000 руб., «деньги, оставшиеся от пособия после гибели мужа на фронте» [12, л. 37].

Председатель райисполкома Свердловского района — внес 5150 руб.: «получил лечебные деньги — 1300 рублей, 1750 рублей премиальных, тысячу рублей — к празднику 7 ноября 1947 г., остальные деньги — «орденские» выплаты».

Секретарь по кадрам Пушкинского РК ВКП (б), незаконно внесший 750 руб., объяснил, что «сберегал их для покупки пальто» [12, л. 62–63].

Начальник Петроградского райотдела УМВД, который незаконно внес в сберкассу 1690 руб., объяснил свои действия тем, что хотел сохранить от перерасчета деньги, которые его сослуживцы собрали для оформления годовой подписки на периодическую печать.

Происхождение денег у выявленных нарушителей проверялось, и в большинстве случаев их объяснения были подтверждены фактами. Работники финансовых и торговых органов незаконно вносили более крупные суммы [4, с. 45–53].

Провинившиеся партийные и советские руководители были наказаны менее жестко по сравнению с финансовыми и торговыми работниками. В этом проявился «двойственный» подход, свойственный в тот период всей системе управления. Характерные примеры подобной «двойственности» содержатся в письмах прокуратуры Ленинграда в горком партии. 29 декабря 1947 г. прокурор Ленинграда обратился ко второму секретарю ГК Я. Ф. Капустину с сообщением о ходе расследования нарушений при проведении денежной реформы. В нем говорилось, что 14 декабря 1947 г. второй секретарь Свердловского РК ВКП (б) (с которого и началась полномасштабная проверка) вызвал к себе зав. центральной сберкассой района и сообщил ей о порядке перерасчетов вкладов в сберкассах еще до официального вскрытия пакетов с инструкциями. Сам секретарь узнал эту информацию от работников райотдела МВД, которые обеспечивали сохранность пакетов. Секретарь попросил заведующую сберкассой оформить на нескольких его родственников вклады. После этого зав. сберкассой разрешила внести деньги и некоторым своим подчиненным. Через несколько часов заведующую вызва-

ли к председателю райисполкома, который вручил ей для внесения в сберкассу свои деньги, деньги своего заместителя и секретаря исполкома. В письме, направленном в горком партии, прокурор просил согласия на «арест и предание суду» заведующей сберкассой и отдельного разрешения на привлечение к ответственности остальных нарушителей, в том числе секретаря райкома [12, л. 28–29]. Санкцию на привлечение к ответственности партийных руководителей горком партии не дал. 13 января 1948 г. прокуратура сообщила в горком о том, что заведующая сберкассой привлекается к уголовной ответственности. В том же письме указывалось, что секретарь РК ВКП (б) и руководители райисполкома, которые фактически организовали незаконное внесение денег «к уголовной ответственности не привлекаются, в связи с решением вопроса об их действиях в партийном и дисциплинарном порядке» [12, л. 52].

Тогда же прокуратура сообщила об аналогичных нарушениях в Пушкинском районе, где работники райкома партии (третий секретарь райкома, заведующий орготделом и технический секретарь) при помощи заведующего сберкассой незаконно оформили денежные вклады. По результатам расследования прокуратура информирует горком о том, что «зав. центросберкассой Пушкинского района <...> и главный бухгалтер <...> арестованы. Дело о них следствием закончено и направляется в Ленгорсуд для рассмотрения. Работники РК ВКП (б) <...> к уголовной ответственности не привлечены» [12, л. 53].

Всего, по состоянию на 13 января 1948 г., по результатам расследования нарушений, произошедших в ходе денежной реформы, следователями прокуратуры Ленинграда было принято к производству 61 дело. По характеру совершенных действий дела распределялись следующим образом: 46 дел, связанных с сокрытием от переучета работниками торговой сети продуктов питания и промышленных товаров, за которые эти работники внесли в кассу личные деньги старого образца; 7 дел о злоупотреблениях работников сберкасс; 1 дело на работников Госбанка; 3 дела об обвесах, обмерах потребителей и о повышении цен на товары; 2 дела об отпуске продуктов сверх нормы в одни руки; 2 дела о злоупотреблениях руководителей и счетных работников учреждений [12, л. 48].

Всего было направлено в суд 41 дело на 82 человек. Следует отметить, что почти все подсудимые были торговыми работниками (кроме одного — заведующего домом отдыха). К 13 января 1948 г. за нарушения в ходе денежной реформы было осуждено 35 человек. Прокурор Ленинграда А. С. Неганов сообщил в своей справке: «В соответствии с указанием генерального прокурора СССР тов. Горшенина К. П., лица, виновные в злоупотреблениях, связанных с подрывом проведения денежной реформы, привлекаются к уголовной ответственности по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 04 июня 1947 г. “Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества”» [12, л. 33]. В отношении осужденных были применены следующие меры наказания: 2 человека приговорены к 20 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях, к 15 годам такого же заключения приговорены 12 человек, сроки заключения от 10 до 15 лет получили также 12 человек, от 5 до 10 лет заключения — 6 человек, и только трое были осуждены на сроки меньше 5 лет заключения [12, л. 50].

Особенно резко в письме Ленинградского горкома ВКП (б) в ЦК партии говорилось о нарушениях, допущенных руководством Управления МВД: «Обком ВКП (б) вскрыл факты антигосударственных действий и некоторых руководящих работников

Управления МВД ЛО». Суть этих действий состояла в том, что «начальник хозяйственно-административного отдела УМВД ЛО Мотылев организовал с ведома заместителей начальника УМВД ЛО Баскакова и Иванова распродажу конфискованных вещей на деньги старого образца по их номинальной стоимости. Всего было продано различных вещей на сумму 86 тыс. руб. Покупку этих вещей произвели: сам Мотылев, заместители начальника УМВД ЛО Баскаков, Ермилов, Иванов, заместители начальника административно-хозяйственного отдела Долгих и Гурьев и другие работники Управления, а начальник УМВД ЛО т. Шикторов и секретарь парткома Макаров не только не приняли никаких мер к привлечению виновных к строгой ответственности, но и не информировали об этом обком и горком ВКП (б)» [13, л. 182–183]. Мотылеву был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку, он был снят с работы и направлен на рядовую инженерную должность. Секретарь парткома УМВД был снят с должности.

Наказать начальника управления И. С. Шикторова обком партии был не в силах, так как эта должность входила в номенклатуру Политбюро ЦК. Тем не менее ленинградское партийное руководство предприняло все от него зависящее для того, чтобы избавиться от начальника УМВД: «Бюро обкома и горкома ВКП (б) указало начальнику Управления МВД ЛО т. Шикторову И. С. на его непартийное поведение, выразившееся в непринятии мер к работникам, допустившим антигосударственные действия и в стремлении скрыть это от обкома и горкома ВКП (б) и приняло постановление просить ЦК ВКП (б) перевести его на работу в другое управление» [13, л. 185–186]. Нам неизвестно, оказалась ли решающей эта просьба или сыграли роль другие факторы, но И. С. Шикторов уже в марте 1948 г. был переведен на аналогичный пост в другую область и в Ленинград вернулся только весной 1949 г. — сразу после снятия с постов ленинградского руководства. Весьма вероятно, на наш взгляд, что такая резкая критика руководства УМВД отражала скрытое противостояние между ним и партийным начальством города, одним из проявлений которого могло быть и инициирование правоохранительными органами проверок по фактам нарушений, допущенных работниками номенклатуры горкома и обкома.

В целом ни Ленинград, ни Ленинградская область не стали «лидерами» в части нарушений, допущенных при проведении реформы. В докладной записке МВД от 21 мая 1948 г. об итогах борьбы со злоупотреблениями, связанными с проведением денежной реформы, приводится список регионов, где было выявлено наибольшее количество преступлений. Ленинградская область находится на 13-м месте, значительно отставая от Москвы и Московской области, а Ленинград вообще не упоминается в этом списке [18, с. 139]. Правонарушения руководящих работников в других регионах выглядели гораздо более «впечатляюще». Приведем только несколько примеров.

Помощник министра Госбезопасности Литовской ССР М. Р. Штаркман был освобожден от занимаемой должности за то, что в ходе денежной реформы «сохранил от перерасчета 27 тыс. руб., принадлежащих руководству МГБ». Первый секретарь Калужского обкома ВКП (б) И. Г. Попов «допустил антигосударственные действия, выразившиеся в том, что 14 декабря 1947 г., после опубликования постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары», в период, когда сберкассы были закрыты, используя свое служебное положение, с помощью начальника областного Управления трудовых сберкасс внес в сберкассу на себя, сына и брата

13 850 рублей, чем дал повод целому ряду других руководящих работников области совершить аналогичные антигосударственные проступки» [19, с. 163–164]. «Секретарь Глусского райкома ВКП (б) Белоруссии Демельштейн 14 декабря после вскрытия пакета особого назначения, предложил заведующему райсберкассой Стельмашенкову открыть сберкассу и принять вклады деньгами старого образца от ответственных работников района. Стельмашенковым было принято на сбережение от руководящих работников и их родственников вкладов на 224 000 руб.» [1, с. 365]. Значительные нарушения были допущены в Молотовской области [20, с. 72–113]. Начальник областного управления МГБ И. И. Зачепа незаконно оформил вклад на сумму 34 тыс. руб., за что решением секретариата ЦК ВКП (б) был снят с должности с объявлением строгого выговора с занесением в учетную карточку. Многочисленные нарушения среди партийных и советских руководителей были зафиксированы в Свердловской области [21].

По неполным данным, приведенным в справке Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП (б) от 30 марта 1948 г., «в нарушении закона о проведении денежной реформы были уличены 145 секретарей райкомов и горкомов партии» [2, с. 84]. Столь большое количество нарушений свидетельствует в пользу точки зрения некоторых исследователей, полагающих, что режиму в СССР не удалось установить полный контроль над повседневной жизнью граждан, так как там, где дело касалось экономических интересов, «вся мощь государства оказывалась бессильной» [22, с. 268].

Несмотря на обилие таких фактов, ленинградская парторганизация оказалась единственной в стране, по поводу работников которой было принято специальное решение секретариата ЦК. Сыграло свою роль и то, что это решение было принято первым среди других многочисленных решений по вопросу нарушений в ходе реформы. Репутационные потери ленинградского партийного руководства оказались значительно существеннее, чем наказания провинившимся работникам.

В феврале 1948 г., выступая на пленуме ГК ВКП (б), первый секретарь ленинградской парторганизации П. С. Попков сказал по поводу нарушителей: «Эти люди не характеризуют кадры партийной организации, но эти факты говорят о необходимости ... всегда помнить, в какой исторической обстановке мы живем, какие условия окружают, что от нас требуют государство и партия» [23, л. 230].

Его слова оказались пророческими. «Историческая обстановка» напомнила о себе через полтора года, когда в ходе чисток 1949–1950 гг., коррупционные правонарушения, в том числе допущенные в ходе реформы 1947 г., стали одними из важных обвинений, выдвинутых против бывших руководителей города.

Источники и литература

1. Денежная реформа в СССР 1947 года. Документы и материалы / сост. Л. Доброхотов, В. Колодежный, В. Пушкарев, В. Шепелев М.: РОССПЭН, 2010. 792 с.
2. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.
3. Пушкарев В. С. Денежная реформа 1947 г. и «черный рынок» // Денежные реформы в России. История и современность: сб. статей / отв. ред. Е. А. Тюрина. М.: Древлехранилище, 2004. С. 183–192.
4. Твердюкова Е. Д. Борьба со злоупотреблениями в ходе проведения денежной реформы 1947 г. // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 45–53.
5. Ходяков М. В. Люди и деньги: денежная реформа 1947 г. и деятельность Ленинградской бумажной фабрики Госзнак // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 54–65.
6. Ходяков М. В. «Государство не дает нам жить...». Ленинградцы об экономической политике

правительства (по спецсообщениям Управления МГБ Ленинградской области за 1947 г.) // Клио. 2000. № 3. С. 207–221.

7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1067.

8. *Хайнцен Дж.* Коррупция и кампании против взяточничества в период военного и послевоенного сталинизма // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 82–96.

9. *Пыжиков А. В.* Ленинградская группа: путь во власти (1946–1949) // Свободная мысль XXI. 2001. № 3. С. 89–104.

10. *Говоров И. В.* Коррупция в условиях послевоенного сталинизма (на материалах Ленинграда и Ленинградской области) // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 66–81.

11. *Жирнов Е.* «Во вражеской группе подготавливался перенос столицы в Ленинград» // Коммерсант-Власть. 2000. № 38. С. 53–56.

12. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 25 Оп. 7. Д. 807.

13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 991.

14. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 334. Л. 108.

15. *Зеленов М. В.* Перестройка аппарата ЦК ВКП (б) в 1946 г., в июле 1948 г. и в октябре 1952 г.: структура, кадры и функции (источники для изучения) // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 97–116.

16. *Болдовский К. А.* Аппарат ленинградской городской партийной организации в 1945–1948 гг. // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 149–162.

17. *Михеев В. Ф., Михеев Г. Ф.* «Ленинградское дело» (по материалам следственных дел) (часть 1) // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 214–232.

18. *Завадская Э. Ю., Царевская Т. В.* Денежная реформа 1947 г.: реакция населения. По документам из «Особых папок» Сталина // Отечественная история. 1996. № 6. С. 134–140.

19. ЦК ВКП (б) и региональные партийные комитеты, 1945–1953 / сост. В. В. Денисов и др. М.: РОССПЭН, 2004. 494 с.

20. *Лейбович О. Л.* В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг. 2-е изд., испр. М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 295 с.

21. *Мамяченков В. Н.* Денежная реформа декабря 1947 г. в Свердловской области: малоизвестные страницы // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. трудов. Вып. 9. Екатеринбург: УрГУ им. А. М. Горького, 2008. 368 с. С. 175–179.

22. *Говоров И. В., Твердюкова Е. Д.* Государственное регулирование внутренней торговли в СССР (конец 1920-х — середина 1950-х гг.): историко-правовой анализ // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 265–268.

23. ЦГАИПД. СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 6487.

Статья поступила в редакцию 29 апреля 2013 г.